

Ф. Сологуб

Пламенный круг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С60

Сологуб Ф.К.

С60 Пламенный круг / Ф. Сологуб – М.: Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-4241-3457-9

Рождённый не в первый раз и уже не первый завершая круг внешних преобразений, я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю, — хочу, чтобы интимное стало всемирным.

Тёмная земная душа человека пламенеет сладкими и горькими восторгами, истончается и восходит по нескончаемой лестнице совершенств в обители навеки недостижимые и вовеки вожделенные.

Жаждет чуда, — и чудо даётся ей.

И разве земная жизнь, — Моя жизнь, — не чудо? Жизнь, такая раздробленная, такая разъединённая и такая единая.

«Ибо всё и во всё — Я, и только Я, и нет иного, и не было и не будет».

«Вещи есть у меня, но ты — не вещь Моя; ты и Я одно».

«Приди ко Мне, люби Меня».

ISBN 978-5-4241-3457-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

© Ф.К. Сологуб, 2021

Федор Сологуб
Пламенный круг

I. ЛИЧИНЫ ПЕРЕЖИВАНИЙ

«Я был один в моём раю...»

Я был один в моём раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.
И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Ещё невинное моё
С любовью дикою глядело.
У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,
И отражения очей
Мне улыбались, благие.
Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.
И вся она была легка,
Как тихий сон, - как сон безгрешна,
И речь её была сладка,
Как нежный смех, - как смех утешна.
И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул... проснулся, - предо мной
Стояла и смеялась Ева...
Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, - навеки скрылась.

«Мы поклонялися владыкам...»

Мы поклонялися владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.
Владыки гневные грозили,
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.
Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолом лишь унылость,

Тоской венчанную, возвесть.
Мерцал венец её жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была - ненужный
И непонятный арабеск.
Владык встречая льстивым кликом, -
И клик наш соткан был из тьмы, -
В смятении темном и великом
Чертог её ковали мы.
Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

«Когда звенят согласные напевы...»

Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
Под свой напев, -
Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.
Отрад святых насытятся дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.
Во мгле земли свершаю превращенья.
Покорен я, -
И дней медлительных влчатся звенья,
О, жизнь моя!

«Разбудил меня рано твой голос, о Брама!...»

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
И целую священный Лингам.
Он возложен на ткани узорной,
Покрывающей древний алтарь
Стережет его голый и черный,
Диадемой увенчанный царь.
На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он черен, громаден и прям...
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
Напою ароматами храм.
Алтарю, покрывалу, Лингам,

Я открою, что сладко люблю.
Вместе Шиву и Вишну и Брамму я
Ароматной мольбой умолю.

«Насытив очи наготою...»

Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.
Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаянии нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.
Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.
Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.
Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.
Затмилось злобное гоненье,
Хула свиваясь умерла,
И было - старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.

«Нерон сказал богам державным...»

Нерон сказал богам державным:
- Мы торжествуем и царим! -
И под ярмом его бесславленным
Клонился долго гордый Рим.
Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, -
И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.
В сиянии цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.
Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб, -
Но ликовала воля злая,

Меня схватил Неронов раб.
Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжен.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!

Нюрнбергский палач

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.
И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.
Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.
На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.
Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.
Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.
Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.
Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.
Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!
Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.
Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.
Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.
Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.
Опять веревка свяжет
Тоску мою.
Стенания и слезы, -
Палач - везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!
Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

Собака седого короля

Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.
Но важные вельможи
Противно пахли так.
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.
И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.
Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх.
И мы, собаки, грубы.
Когда страдает нюх.
Кому служил я верно.
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.
Я с ним и ночью влажной,

И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.
Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я - поганый
Ворчун и грубиян.
Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.
На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость.
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.
Людьми нередко руган,
Он все ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.
Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.
Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.
Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.
Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.
Придворные нашлись, -
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.
Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.
Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, -
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно все это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.
Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, -
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.
Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

«Струясь вдоль нивы, мертвая вода...»

Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня к последнему забытию.
Я пас тогда ослиные стада,
И похвалялся их тяжелой прытью.
Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцей, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.

«Высока луна Господня...»

Высока луна Господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.
Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно замирает
Все вокруг.
В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слышать шагов, ни хруста,
Ничего.
Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.
Никого нигде не будит
Быстрый шаг.

Жданный путник, кто ж он будет,-
Друг иль враг?
Под холодною луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, - я завою
У окна.
Высока луна Господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.
Просьпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

«Я жил как зверь пещерный...»

Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.
Но кровь моя кипела
В томительном огне, -
И призрак злого дела
Творил я в тишине.
Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скиталися химеры,
Воздвигнутые мной.
На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.
Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.
И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.

«Степь моя!..»

Степь моя!
Ширь моя!
Если отрок я,
Раскрываю я